

Теория

ДОКТОРА ПУШЭ

Вольдемар Хомко

Вольдемар Хомко

Теория доктора Пушэ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68744322

SelfPub; 2023

Аннотация

В ирландскую деревеньку Гуган-Барра приезжает незнакомец и сразу же начинает строить новый дом. Местные жители в недоумении, никто не ожидал, что богатый человек может надолго поселиться в сельской местности, да еще начать заниматься совершенно бесперспективным бизнесом. Молодой мальчик по имени Эйден О'Коннерти наблюдает за новым сельчанином со стороны, не ожидая, что окажется вовлеченным в странные и непонятные дела.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	52
Глава 9	59
Глава 10	65

Вольдемар Хомко

Теория доктора Пушэ

Глава 1

Давно это было.

Так давно, что я помню время, когда моя родина с чудным именем Эриу управлялась Великой Британией с ее жестокими законами, несправедливыми по отношению к простому народу биллями и кабальными формами эксплуатации сельского населения. Не помогло ни восстание в конце восемнадцатого века, ни аграрный переворот с отменой «хлебных законов», приведших к ужасному голоду, обрушившемуся на мою многострадальную землю.

Так называемая водяная плесень – грибоподобный микроорганизм – поела картофель сорта «ирландский люмпер» и народ, чтобы выжить, употреблял в пищу растения, ягоды и вообще все, что попадалось под руку и что можно было прожевать и из чего можно было высосать хоть какой-нибудь мало-мальски живительный сок. Люди стали бежать из Ирландии в поисках лучшей доли, и перманентная эмиграция стала отличительной чертой того сурового времени.

Сейчас я старик с седой головой, суковатой тростью и скрипучим болезненным ревматизмом, тронувшим почти

все мои члены, а тогда, в то славное время, зовущееся детством, когда годы можно было пересчитать по пальцам обеих рук, все вокруг казалось загадочным и непознанным.

Я имел счастье родиться на юге родного острова, куда мои предки переехали после разорения и потери земельных владений.

Английская колонизация не оставила ни малейшего шанса коренным ирландцам, и многие из них покинули крупные города и осели в мелких деревеньках, занявшись земледелием и скотоводством.

Все О'Коннерти, а именно так звучит моя фамилия, в свое время яро поддерживали английского короля Якова Второго, за что здорово поплатились. Оставшись ни с чем, они выбрали отдаленную деревушку Гуган-Барра в качестве нового дома и осели на новых землях, взятых в аренду за приличную плату у местного лэндлорда, надеясь хоть как-то свести концы с концами, выращивая сельскохозяйственные культуры и разводя крупную и мелкую живность.

Отец мой Кормак, земледелец-католик или коттер, не чурался никакой работы, исправно запрягая нескольких быков и стараясь распахать как можно больше земли, чтобы весной можно было посадить вдоволь картофеля, овса, ячменя, лука, брюквы и других сельскохозяйственных культур.

Мать Кива была покладистой работающей коренной ирландкой, готовой с утра до ночи работать в поле и по домашнему хозяйству и старающейся обеспечить всем необходи-

мым нашу большую семью. Кроме меня, Эйдена, в семье было двое младших братьев, Феархар и Эохайд, а также крохотная сестренка Орфлайт, поэтому все заботы легли на плечи отца и матери. Я, пятнадцатилетний мальчик, как мог пытался помочь родителям и, видя, что пропитания едва хватает, чтобы утолить голод бегал выменивать картофель на молоко, которое так было нужно младшей сестренке.

Несмотря на мои юные годы, отец частенько брал меня в поле и сажал на одного из быков, вручая жестковатые вожжи, еще не доверяя самостоятельно править могучими животными. Мы пытались посадить как можно больше картофеля и овса, не забывая про лук и брюкву, стараясь главным образом использовать выращенные продукты для своего хозяйства. Коров к сожалению у нас не было, и поэтому приходилось вести натуральный обмен продуктов с соседями, которые так же пытались выживать как и мы.

Проклятая водяная плесень только начала затрагивать урожаи картошки и сельчане из деревень, окружающих районный центр под названием Корк еще не трогались со своих мест, пытаясь справиться с вредителем своими собственными силами. Кто-то по привычке пытался спасти урожай молитвами, многие просто ходили вдоль рядов и выискивали листики с поврежденной, темно-серой областью, означавшей, что растение вот-вот погибнет.

Но толку от этого было крайне мало.

Мой отец частенько отправлял меня на поиски «карто-

фельной проказы», как называли эту напасть у нас в деревне. Местный священник почти что озолотился, придумывая раз за разом все новые молитвы, которые, по его заверениям, обязательно должны были помочь в битве с вредителем. Но, к великому сожалению, еды становилось все меньше, а чувство острого голода мы ощущали все чаще.

Некоторые сельчане уже начали раздумывать над тем, чтобы переселиться в более хлебные районы острова, надеясь, что там ситуация станет лучше. Другие задумывались о далекой поездке в Англию и Уэльс. Единицы робко мечтали о попытке перебраться в Северную Америку, ведь там, по рассказам одного из родственников такого переселенца, было вдоволь хлеба, картошки и даже мяса с молоком.

Но пока это были лишь мелкие капельки, брызги, и до настоящей волны эмигрантов, которые тысячами начали убежать с острова Эриу было еще далеко.

Жили мы в небольшом каменном доме, обмазанном глиной и покрытым валежником. В центре главной комнаты располагалось место для огня, там высилась массивная печка, в которой всегда поддерживался огонь. Климат южной Ирландии теплый, но дождливый, близость морского побережья, у скалистых берегов которого грозно шумит волнами Кельтское море дает о себе знать, поэтому вернуться домой в холодное, нетопленное помещение было совершенно невыносимо.

Обычно за тем, чтобы в печке бушевало пламя, следили

мои младшие братья, так как и отец с матерью, и я постоянно были или в поле, или ходили в лес на поиски пропитания. Сбор ягод, питательных кореньев, меда – все это разбавляло наш скромный рацион, состоящий в основном из печеного, толченого и иногда жареного картофеля, а также овсяной каши, которая была дежурным блюдом всех жителей острова того времени.

Иногда к нам в дом заходил священник, отец Мэйлиоса, тощий как жердь из забора деревенского бедняка, нестарый еще служитель культа Иисуса. Он всегда готов был угостить нас свежей проповедью и выдержкой из Библии, хотя мы с братьями были бы совершенно не против, если бы этот милый на вид джентльмен принес нам пару сухарей или кусок вяленого мяса. Но, увы, времена были такие, что надеяться на кого-то кроме самого себя было глупо. И мой отец это прекрасно понимал, день ото дня распахивая новое поле под засев картошки и овса или возясь в курятнике и починяя соломенную крышу для удобства проживания нескольких худосочных кур-несушек, почти каждое утро приносящих нам на завтрак пару яиц.

Деревенька Гуган-Барра называлась так в честь святого Финбарра или Барры, как называли его местные жители, епископа Коркского и настоятеля монастыря. В седьмом веке этот служитель церкви основал дом для отправления культа на известняковой скале над рекой Ли и с тех пор как его причислили к лику святых, ирландцы почитали его и стави-

ли ему во славу свечи в местной часовне.

Именно тогда, в то непростое время я впервые услышал, как кто-то не уехал из нашей Богом забытой деревеньки, а наоборот, пожелал поселиться, да не просто так, выбрав одну из заброшенных лачуг, а построив свой, кирпичный, с большими светлыми окнами дом и вспомогательными строениями. Помню, как я бежал с поля, чтобы предупредить мать о том, что отец не придет обедать. Он велел мне прихватить несколько печеных картофелин, соли и пару перьев того растения, которое в изобилии росло в оврагах и на берегу реки Ли. Мы использовали его как своего рода закуску и были очень довольны, так как употреблять сие растение можно было абсолютно со всем, что было в нашем скромном меню.

Забежав в дом, я заметил, что кроме матери, возящейся у очага, в комнате есть еще кто-то.

– Ты представь, Кива! Целая толпа рабочих, уйма строительного материала! Все суетятся, лошади ржут и топчут траву, гомон стоит неопиcуемый! И это все на месте старого домишки мистера Маолчолма. Ну, того, что уехал на материк в прошлом месяце. Похоже, затевается какой-то грандиозный ремонт, как я погляжу!

– Ну и что. – Хозяйка увидела старшего сына, и услышав просьбу отца, поспешила собрать корзинку для обеда. – Подумаешь, какой-то чудак выискался. Начтет строить, а через пару недель уедет. Что ему делать здесь, в нашем заброшенном крае, ума не приложу.

– Ну, не знаю, не знаю. – Соседка по имени Неаса фыркнула, и почесав кончик носа начала разглядывать поломанные ногти на правой руке. – Риона слышала, что это не простой господин, а целый доктор. И что, вроде, он собирается здесь кого-то лечить. Вот так!

Я начал прислушиваться к сплетням молодой женщины, но мать, увидев, что я застыл над котлом, в котором аппетитно булькала вся та же картошка, махнула мне рукой.

– Беги, сынок. Отец ждет.

Я послушно кивнул и припустил в сторону поля, еще не зная, чем для меня обернется вся эта история с новым жителем нашей деревеньки.

Глава 2

– Ну ка, давай, осторожнее! Тяни что есть мочи, не жалея живота! Ты оглох, что ли, Бреасал! Кому я говорю!

– Вира! Давай, поднимай! Если кто-то из вас разобьет хоть один кирпич – сразу же вычту из жалованья! Слышите меня, дармоеды!

– Чтоб тебя забрал святой Барра! Ты видно не понимаешь меня, Беарах!

Стройка на месте старого домишки мистера Маолчолма шла полным ходом. Привезенный с материка строительный материал не лежал на земле просто так, а быстро шел в дело, постепенно преобразуя старую развалину, которая когда-то называлась довольно крепким и солидным домом, где довольно долгое время проживал уважаемый джентльмен, известный на всю округу.

Судя по масштабу строительства, новый хозяин имел планы остаться в Гуган-Барре на довольно-таки приличное время. Кроме главного дома, привезенные из города Корка рабочие заложили фундамент под хозяйственные помещения, хлев, курятник, конюшню и собственную мельницу. Это означало, что господин Пушэ, а именно так, по слухам, звали нового жителя деревушки, возможно, будет скупать зерно у сельчан и молотить его как для себя, так и на продажу. Одно это уже несказанно радовало нескольких зевак, собравших-

ся у почти возведенной стены из крепкого тесанного камня, который добывают в каменоломне поблизости Лисмора и обрабатывают там же, на небольшом заводике с рабочим штатом в примерно сорок человек. Теперь уж не придется возить зерно за двадцать миль в Теерелтон к старому и жадному Айлбхе – старику, не имеющему стыда и малейшей совести и дерущему с местных сельчан втридорога, поэтому многие мелют зерно дома по старинке, между двумя каменными зернотерками.

– А ну как прочь! Слезайте со стены! Кому говорю! – Форман (десятник – прим. ред.), крепкий краснощекий детина в смешной зеленой шапочке, надвинутой на кустистые брови, уперев тяжелые волосатые руки в бока, стоял у поднимающейся буквально на глазах стены и грозно смотрел на сельских мальчишек, бойко скакавших по теплomu камню.

– А скажи, милоч, что строит здесь наш новый сосед? Я погляжу, даже погреб собирается копать? – Старый Конмхак, без которого не обходилось не одно мало-мальски важное событие в деревне, стоял у стены, опершись о гладкую, без единого сучка палку и посасывал отполированную до немыслимого блеска трубочку из дикой вишни, в изобилии растущей вокруг Гуган-Барры.

– Это не твоего ума дела, старик. Хозяину виднее. – Мастер был не особенно приветлив.

– Вот закончится стройка – тогда увидишь сам. А пока, не мешай ребятам. А ну ка, взяли! Дружно!

Работа кипела вовсю.

– Ишь ты, грубиян. – Конмхак присел на свежесрубленный пенек и посасывая дымящийся мундштук, начал растирать онемевшие пальцы ног – верный признак хронического ревматизма.

– Смотри, дед, не попади под горячую руку. А то не доживешь до конца стройки и доктор Пушэ не пригласит тебя на новоселье! – Двое довольно крепких мужчин среднего возраста стояли неподалеку и неприветливо щерились, глядя на стройку.

– С чего ты взял, Пип Торренс, что это доктор? – Проходившая мимо низкая сгорбленная женщина по имени Фодхла, поставила ведро с ягодами на землю и уставилась на усмехающегося сельчанина.

– А кто же он еще есть! Вон! Посмотри сама! Рядом с курятником стоит!

И действительно, возле намечающихся стен небольшого помещения, отведенного для мелкой птицы возвышалась высокая худющая фигура мужчины с резкими чертами лица и острым длинным, с горбинкой носом. Новый хозяин участка недавно почившего Маолчолма видимо наблюдал как идут строительные работы и время от времени давал емкие и короткие указания то и дело подбегавшему к нему краснощекому мастеру.

– И с чего ты взял, что он доктор? – Подошедший к остальным зевакам староста деревни Гуган-Барра, высокий креп-

кий Аргал МакГрегор встал и скрестив руки уставился на человека, мрачно оглядывающего площадку на которой шли работы.

– А вон, видишь, – Мужчина по имени Пип указал рукой на характерный для ученых мужей того времени сюртук доктора и шляпу, которую он надел перед тем, как появится на территории стройки, – я видел такие у врачей-терапевтов, промышляющих в Корке. Мой двоюродный кузен Эндрю рвал зуб у такого вот коновала. Сказал, что было нестерпимо больно. Тот лекарь как раз-таки носил похожий сюртук.

– Да ну тебя, все это чепуха. – Староста отмахнулся и пошел дальше по своим делам.

– Не задерживайтесь здесь, ребята, – крикнул он, немного отойдя в сторону.

– Сегодня нужно помочь старому Фергюсону убрать его поле с овсом. Сам он не справится, а так, хоть зиму протянет. Слышите?!

– Ладно, пойдем. – Друг Пипа, Джереми Нортэм обожавший критиковать всех и вся в деревне, сплюнул под ноги и медленно пошел в сторону оврага за которым начинались земельные наделы сельчан.

Зеваки, собравшиеся поглазеть на строительство нового дома потихоньку начали расходиться, а доктор Пушэ, еще немного постояв на улице, поежился и неспешным шагом подошел к небольшому готовому строению, с крышей, сте-

нами и окнами. Зайдя внутрь, он тотчас вернулся обратно. Но теперь в его руках было несколько мисок с чем-то, напоминавшим корм для куриц или уток. Поставив лотки на землю, доктор свистнул странным свистом, больше похожим на мяуканье и тотчас, со всех сторон к нему ринулись кошки, нацелившиеся на те самые мисочки.

Кого здесь только не было: серо-голубые, рыжие, черные, с небольшим белым галстучком на грудке, были кошки в которых смешались все цвета неприветливой хмурой ирландской радуги. Был даже кот с разноцветными глазами, абсолютно белый, но лапки у него были окрашены в угольный цвет, будто он носил королевские ботфорты.

В общем, здесь был представлен весь цвет кошачьей нации и все ветви британских котов, которые сейчас поспешно трудились розоватыми язычками, стараясь насытиться и в то же время не дать оппоненту съесть больше. Периодически, каждый из котов и кошек поднимал голову от миски и тревожно оглядывался, опасаясь, что более авторитетный и хамоватый сосед отпихнет беднягу от миски и оставит голодным до вечера. Каждый из пушистых посетителей импровизированной столовой уже знал, что вечером последует новая порция безумно вкусного корма, который она навряд ли получат у себя дома, где сами хозяева еле сводят концы с концами, перебиваясь с картошки на овес, и даже не смея мечтать о таких лакомствах как жаренный ростбиф или косуле по-бретонски в лимонном соку и тушеных шампиньонах.

Тем временем, на руки к доктору Пушэ запрыгнул толстый кот с серо-голубой шерсткой, вальяжно уместился на руках и начал лениво посматривать на менее удачных соплеменников, доедающих обед, любезно предложенный им хозяином дома.

Доктор поглаживал разомлевшего котяру, который всем видом показывал, что он ходит в фаворитах и никоим образом не позволит никому даже осмелиться претендовать на место главного кота.

Наконец, насытившись, полосатые ушастики начали разбегаться кто куда, один только любимец доктора продолжал сидеть на руках, мурлыкая лишь ему одному известные мелодии и кошачьи напевы.

Глава 3

Приближалась осень, а значит не за горами был праздник сбора урожая.

Августовский Ла Лунаса или Лугнасад вел свою историю от кельтского языческого бога Луга, который установил эту традицию в честь своей приемной матери – богини Тайльtiu. По крайней мере, так говорит нам людская молва.

В бедняцкой Гуган-Барре выпивка была едва ли не единственной отдушиной, через которую местные жители выпускали пар, кляня на чем свет стоит жестокую и несправедливую в экономическом смысле Британию и лэндлордов, разоривших непомерной арендной платой и пустивших по миру многие семьи ирландских крестьян.

Имея в наличии достаточно неотправленного на экспорт в Англию зерна и используя его в качестве составной части алкогольного напитка, многие из сельчан занимались тем, что гнали довольно неплохой самогон из овса, ячменя, ржи и картошки. Реже из пшеницы.

Ирландский виски имеет длинную историю, тянущуюся со времен прихода на остров Святого Патрика, самого почитаемого святого в Эриу, принесшего с собой искусство дистилляции, необходимой для производства виски или «воды жизни», на местном наречии. Так рассказывают легенды.

Ирландцы всегда славились основательным подходом к

приготовлению этого зернового продукта, используя тройную перегонку, в отличие от соседей шотландцев, редко выходявших за рамки первой стадии возгона сусла. Увеличивая раз разом процентность спирта, на третьей стадии шло окончательное очищение жидкости с последующем разливанием в дубовые бочки, собранные вручную.

В качестве основного компонента почти всегда брали ячмень и ячменный солод с добавлением других зерновых культур – ржа, овса, иногда – пшеницы. Виски делился на три вида: из одного сорта ячменя, из разных и смешанный.

Английские лорды, заседающие в парламенте, как могли старались нажиться на предприятиях, выпускающих ирландский виски. Были введены налоги на перегонные кубы, что, в свою очередь, привело к распространению подпольных производств. Тогда, чтобы исправить ситуацию, английский парламент скорректировал вид сборов, начав брать отчисления только за фактически произведенный спирт.

Конечно, в далекой южной деревушке Гуган-Барра не было каких-то мало-мальски серьезных заводов и даже заводиков, но народные умельцы всегда приспособливали подручные емкости для выгонки своего, авторского напитка, который с удовольствием и употребляли.

Немаловажным фактом является то, что в деревне присутствовало свое питейное заведение, или паб, с прозаическим названием «Святой дух». Частенько, после тяжелой и выматывающей работы в сырых промозглых полях, мужчи-

ны, и иногда женщины, заходили в пивнушку, чтобы пропустить пару стаканов крепкого, бодрящего напитка и обсудить грабительскую политику ненавистных бриттов; урожай, от которого зависело выживание каждой семьи, ну и конечно, последней, и самой горячей новостью месяца был переезд в деревню некоего доктора Пушэ, как все его стали называть с легкой подачи неграмотного, но нагловатого и грубого Пипа Торренса.

Именно в этом трактире я, Эйден О'Коннерти, пятнадцатилетний мальчик впервые столкнулся с доктором Пушэ.

Как же я попал туда, в это взрослое заведение, где полагалось быть одним только мужчинам за редким исключением для женщин?

Дело в том, что у нас дома сломалась дверца у печки, на которой мама готовила ужин. Я не мог справиться с такой, пока еще непосильной для меня задачей. Отец, после тяжелой работы в поле намеревался заскочить в «Святой Дух» и обсудить с соседями надвигающуюся эпидемию водяной плесени, уже понемногу начавшей поедать листья картошки на полях сельчан, заставляя людей беспокоиться и строить всякие безумные предположения на данный счет.

– Сбегай в паб и скажи отцу, чтобы скорее возвращался. Иначе, останемся без ужина. Мать хмуро оглядывала так некстати отскочившую от жесткого основания щеколду, с десятков лет бессленно служившую в кухонном быту.

Я с удовольствием согласился, так как таинственный мир

пивной был еще закрыт для меня, и с некоторых пор мне безумно хотелось узнать, что же происходит там, за плотно закрытыми дверьми, где раздаются призывные звуки веселой джиги и слышится стук тяжелых туфель, отбивающих звонкий и четкий гэльский стэп.

Когда я выбрался из нашей лачуги, уже начало понемногу темнеть, а туман, который был нередким гостем в наших краях, потихоньку тянулся из оврагов плотной густой завесой, предупреждая припозднившихся гуляк, что заблудится в этих краях плевое дело. Вот и я, будучи местным жителем и интуитивно пробираясь к пивному пабу, все равно боялся потеряться и ориентировался только на шум и музыку, доносящуюся неподалеку и привлекающую народ со всей округи, в том числе и с соседних деревушек.

Дойдя наконец до пивного заведения, я собирался потянуть за огромное медное кольцо на двери, но тут, словно прочитав мои мысли, старый кусок дерева, с натугой закрипев, отворился, и двое гуляк, обнявшись, выпали наружу, горлопаня местную песенку, которую знали все в округе:

– Если выпьем эля мы! Эх-ха, хо! Хо-хо! Значит будем драться мы! Хо-хо, хо-хо, хо-хо!

Дальше продолжение было уже непристойным, поэтому не став слушать грязные стишки до конца, я нырнул в освещенный проем, из которого несло прокисшей капустой, подгорелым пудингом и густым духом крепкого потина – самогона, который изготавливали из солода или картофеля.

Зайдя внутрь и оглядевшись, я увидел с десяткок мужчин, знакомых и не очень, которые курили трубки, чокались деревянными кружками и пытались перекричать друг друга, обсуждали дела, важные и не очень. На столах, как правило, была дешевая крестьянская еда. Боксти – картофельные блины. Колканнон – картофельное пюре, перемешанное с капустой и сливочным маслом. Бармбрэк – хлеб со свежим виноградом и изюмом.

Кто-то жаловался соседу на жену, которая совсем отбилась от рук и не хочет ни работать по хозяйству, ни исполнять положенный ей супружеский долг. Другие обнявшись, пели песни, народные, хулиганские и просто веселые частушки. Кто-то с серьезным видом обсуждал надвигающуюся картофельную чуму, а кто-то просто сидел с угрюмым видом, посасывая дешевую пеньковую трубочку и обводя помещение мутным пьяным взглядом.

Я почти сразу увидел отца вместе с соседом, мистером Одхраном, болезненного вида пожилым мужчиной, который считался в Гуган-Барре за местного агронома. Он превосходно разбирался в посевных культурах, знал почти все о болезнях злаковых и мог помочь дельным советом тогда, когда житель деревни, уже отчаявшись, готов был рвать на себе волосы от досады за то, что урожай гибнет на корню, а сделать ничего нельзя.

С трудом пробираясь через грубо сколоченные столы, я почти добрался до отца, когда увидел в углу еще одного че-

ловека, в одиночестве сидящего и потягивающего из стеклянного стакана напиток, который, судя по внешнему виду незнакомца, ну никак нельзя было назвать дешевым. Похоже, наш бармен, старина Малоун достал из заначки дорогой виски «Олд Бушмилс», изготовленный в славном Корке, который он обычно придерживал для самых именитых гостей.

Человек был одет в дорогой шерстяной костюм, дождевик и кепка клинышком лежали рядом на стуле. В руке он держал небольшую курительную трубку, время от времени прикладываясь к ней и окутывая себя плотным сизым клубочком дыма.

Засмотревшись на незнакомца, я не заметил, как порядком выпивший Пип Торренс, который был завсегдаем «Святого Духа», нетвердым шагом подкрадывался к столику незнакомца, покачиваясь и держа в руке деревянную кружку с потином.

– А вот и наш доктор! – Развязно улыбаясь, Пип тем не менее зло смотрел на чужака, явно нарываясь на неприятности. – Ну и что мы тут делаем в столь поздний час?! Не пора ли уже баиньки, мистер... эээ... как вас там, черт побери...!

– Мое имя Котэо Пушэ, – негромко ответил незнакомец и улыбнувшись предложил задире и забияке Торренсу:

– Не желаете ли выпить со мной, сэр?

Глава 4

Пип Торренс удивленно посмотрел на сидевшего гостя и притворно скорчил рожу, должно быть означавшую, что ему очень приятно.

– Выпить с вами? Сочту за честь, сэр! Особенно если вы угощаете!

Доктор Пушэ повернулся к бармену, чтобы заказать кружку браги, когда зарвавшийся сельчанин внезапно пришел в себя, показав свое истинное нутро.

– Пить с вами, сэр, я не буду. По одной простой причине. Вы очень странный человек. Не знаю, зачем вы приехали в нашу деревню, и что вы здесь собираетесь делать, но скажу одну вещь – вы мне не нравитесь. Запомните это. Я все сказал.

Развернувшись и пьяно покачиваясь, Пип пошел к своему столу, где его ждал его закадычный дружок Джереми Нортэм.

– И да, кстати! – На полпути Пип снова вскинул голову и крикнул в угол, где сидел доктор. – Зачем вам понадобилась моя кошка?! Чертова пушистая бестия бегаёт к вашему новому дому каждый божий день. Будто ей там медом намазано. Это вы прикормили ее! Смотрите...!

Забыв, что он хотел сказать, задира уселся на стул и мутным взглядом обвел все помещение.

Вежливо выслушав тираду пьяного сельчанина, доктор Пушэ поднял стакан и отхлебнув крепкого виски, отщипнул с тарелки кусок крубинса – вареной засоленной свиной ноги. Молча жуя, он продолжал смотреть по сторонам, доброжелательно улыбаясь, вот только в глазах его горел, отражаясь в тусклых светильниках огонек, выдававший неестественное возбуждение, впрочем, вполне понятное после стычки со смутьяном Торренсом.

Я наблюдал всю эту картину со стороны, и после того как хулиган Пип успокоился, решил понять для себя, что же это за новый человек, который теперь будет жить в нашей деревне, ходить по нашим улицам и здороваться с соседями.

Сначала я немного испугался слегка отталкивающей внешности, которой обладал мистер Кошэ. Высокий, худой, с длинным носом – он походил на ошипанного ястреба, готового клюнуть в любой момент, но выжидающего более крупной добычи. Именно такие ассоциации возникли в моей детской голове, полной фантазий, выдумок и всяческих страшилок, которые я слышал от родителей, соседей и прочих сельчан. Незаметно присматриваясь к доктору, я фантазировал, а что такого может происходить в его новом доме и о какой кошке упомянул мистер Торренс. Это все было весьма интересно. Я сразу же задался целью заглянуть через высокий забор мистера Пушэ и рассмотреть поподробнее его домашнее хозяйство. Многие мальчишки, тот же Мэйтиу МакКонахи и Сиг О’Донелл уже побывали у дома странновато-

го соседа и рассказали, что увидели там настоящего черта в кошачьем обличье. Как пить дать соврали, но поглядеть своими собственными глазами на кошек и других существ страсть как хотелось.

Тем временем отец, закончив разговор с тщедушным мистером Одхраном, кивнул мне на выход. Идя за отцом я в последний раз кинул взгляд в угол пивной, чтобы запечатлеть в памяти зрительный образ этого странного и в то же время манящего к себе человека.

Доктор Пушэ также посмотрел на выход, удивленно вскинув брови, будто изумляясь, что такой подросток как я делает в таком взрослом месте.

Хлопнула тяжелая деревянная дверь, стукнуло медное кольцо, и мы с отцом вышли на свежий воздух. Туман рассеялся и на черном небе горела жирным сырным кругом луна, только-только вошедшая в свою последнюю фазу.

Идти обратно вместе с отцом было абсолютно не страшно, и через минут десять мы уже входили в наш родной дом.

Щеколда была починена в минуту, и вскоре мы всей семьей дружно обедали вокруг яркого огня, наслаждаясь исконно ирландским колканноном, а на десерт был гуди – пудинг из пшеничного хлеба, молока, сахара и специй.

Уже засыпая, я думал, что завтра точно сбегая к новому дому и разузнаю, что творится за высоким забором. Во сне я видел маленькую сестренку Орфлайт, ползущую ко мне и просящую молока, а также пьяницу и дебошира Пипа Тор-

ренса, прыгающего с бутылкой на голове и требующего, чтобы какой-то доктор отдал ему наконец его любимую кошку Флаффи.

На утро я как обычно пошел в поле с отцом, и до обеда мы были заняты урожаем картофеля, который в этом году удался как никогда. Нужно было срочно собрать все что было на поле, чтобы не дать новой проказе поест свежие зеленые листья. Почему-то в нашей семье все были уверены, что это просто какая-то мелкая тля или моль пожирает урожай, и если поторопиться, то можно успеть спасти большую часть так необходимого нам картофеля.

Ближе к обеду прибежал один из моих братишек и принес немного продуктов.

– Что там у тебя, Феархар? – Я, на правах старшего брата властно взял корзинку и заранее зная, что там найду, все же пристально оглядел всю еду. Потом вытащил белоснежную салфетку, принюхиваясь к блаженному чистому запаху. Мать умела стирать вещи так, что потом они еще долго пахли луговыми травами, степной фиалкой и еще какими-то специями, которые мама собирала поздней осенью возле деревни.

– У вас все хорошо, Эйден? – Братишка был любопытен. Несмотря на малый возраст, он был уже не прочь прокатиться верхом на быке, но отец пока не разрешал ему выходить в поле. Бегая вокруг меня и гоняясь за бабочками, мальчишка явно был не прочь пошалить.

Подошедший отец посмотрел на сынишку, подмигнул ему и уселся на траву, приглашая нас разделить с ним скромную трапезу.

– Ты можешь быть свободен. – Он посмотрел на меня, макая картофелину в узелок с солью. – Дальше я управляюсь сам. Бегите домой, помогите матери.

Закончив с едой, мы отправились в деревню. Добежав до развилки, я велел Феархару идти домой, а сам решил добраться до конца деревни, где раньше стоял дом старого Малчолма, а теперь красовался двухэтажный кирпичный домище, в котором жил доктор Пушэ.

Идти пришлось недолго, деревенька наша была небольшой, и до окраины я добрался довольно быстро. Народу на улице было мало, весь сельский люд был в полях, и только несколько стариков сидели на скамейках, посасывали трубочки и грелись в лучах теплого августовского солнца.

Добравшись до высокого забора, я оказался перед непростой дилеммой: или возвращаться домой и помочь матери, что было бы правильным выбором, или все-таки попытаться проникнуть во двор доктора Пушэ и узнать наконец все тайны, о которых горлопанили мои сверстники, любившие, как и все мальчишки, слегка приврать. Будучи слегка авантюристом, я решил выбрать второй вариант и поэтому решив, что перелезть забор я не могу, решив найти какую-нибудь дырку, ну или подкоп, оставленный диким зверем или собакой.

Кстати, как ни странно, собачьего лая за забором я не

услышал, хотя почти у каждого сельчанина во дворе жил пес, охранявший скромное добро и выполнявший функцию защитника. Лесные обитатели иногда посещали нашу деревеньку, и иметь клыкастую животину было отнюдь не лишним.

Пробираясь вдоль высокого забора, я зорко смотрел под ноги, так как знал, что именно там можно обнаружить небольшую яму или подкоп. И, конечно же, я нашел, то что искал. Видно, какая-то собака, соблазнившись едой или просто запахами, вырыла потайной ход, и теперь настал мой черед воспользоваться секретным лазом. Набрав побольше воздуха в легкие, я нырнул в черную земляную дыру и сильно заработал ногами, помогая себе, чтобы поскорее выбраться на другую сторону. Немного повозившись, я, в конце концов, преодолел подземный туннель, и довольный, отряхнув с колен мокрые комья свежей земли пошел в сторону дома. Оглядываясь по сторонам, я еще раз отметил про себя, что нигде не видно ни одной собаки. Это, конечно, было довольно странно, но тогда я не придал этому какого-то особого значения. Но когда я добрался до небольшого строения, служившего, возможно, хозяину складом, то понял, почему здесь собак не может быть в принципе. Прямо за углом, возле нескольких крепко сколоченных деревянных лотков с едой сидело около десяти кошек, которые настороженно смотрели на меня желтыми, зелеными и голубыми глазами. Немного удивившись, я остановился, не зная, что де-

лать дальше, когда вдруг услышал писклявый, противный до
невозможности голосок:

– Эй, мальчишка! Какого лешего тебе здесь нужно?!

Глава 5

Я вздрогнул, и обернувшись увидел, как ко мне со стороны дома приближается низкого росточка человечек с возмущенным красным лицом и большими круглыми очками, сверкающими золотой оправой в лучах высоко стоящего солнца. Не зная, что предпринять, я хотел уже дать стрелочка в сторону изгороди, но очкарик, заметив, что я начал пятиться, окрикнул меня:

– Даже и не смей! Теперь тебе придется объясняться, молодой человек. Кто ты и откуда. Но не мне, а доктору. Ну ка, пойдём со мной.

Приблизившись, он властно протянул руку, и я не посмел отказать, боясь, что теперь уже точно, обо всем узнают родители, и мне несдобровать. Так пусть же сам доктор решит мою судьбу.

«Может еще и выкручусь», – подумал я.

Вместе пройдя через двор к главному дому, мы поднялись по каменным серым ступенькам ко входной двери и человечек в очках позвонил в колокольчик, болтающийся на золотой с виду цепочке. Через минуту, показавшейся мне вечно­стью слышались шаги и дверь распахнула женщина, которую я уже видел в нашей деревне. Мэри Слиззарт. Одинокая вдова, не часто появляющаяся на публике. Жила в своем маленьком домике, который построил ее муж, мистер Генри

Слиззарт. Беднягу в прошлом году поразило молнией, и он мучился неделю прежде чем испустить дух.

Значит теперь она служанка доктора Пушэ! Как интересно. Что же будет дальше?

Страх и противный озноб постепенно уступал место мальчишескому любопытству, и я, потихоньку оглядываясь, начал ждать встречи с человеком, которого уже видел наемни в пабе «Святой Дух».

– Вот, Мэри, представьте! – Человечек, поймавший меня, был искренне возмущен.

– Поймал, знаете ли, лазутчика!

Внимательно взглядевшись в черты моего лица, женщина усмехнулась и сказала:

– Нет, мистер Сириус Пойзон. Это не лазутчик. Это Эйден О'Коннерти. Я знаю его семью. Отец Кормак, мать Кива, младшие детишки – очень приличная семья, так что вы ошибаетесь.

– И тем не менее! Доктор должен знать о каждом постороннем человеке на его территории. Законной, прошу заметить! Кстати, а не пора ли нам обедать?

– Все почти готово. – Служанка удалилась, а мистер Пойзон повел меня на второй этаж. Видимо, в кабинет к хозяину дома. Поднявшись по лестнице и повернув направо, он вежливо постучал в толстую дубовую дверь, и услышав: «Да, да, войдите», нажал на медную ручку, выполненную в виде головы гривастого льва.

– Вот, мистер Пушэ. Поймал во дворе! – Очкарик подтолкнул меня вперед, к столу, где в глубоком кресле синей кожи сидел тот самый человек с острыми чертами лица и длинным носом. Я снова оробел, так как доктор нахмурился, но потом улыбнулся и жестом попросил Пойзона отпустить меня.

– Ну и что ты натворил, хулиган! – В словах сквозила легкая насмешка, и я, почувствовав в себе внезапный прилив смелости, выпалил:

– Да вот, мистер Пушэ, хотел посмотреть на ваших чудных животных, о которых болтают мальчишки в деревне.

– Ну и как, посмотрел? – Пушэ снова оглядывал меня с интересом, смешанным с легким недоумением. Как тогда, в пивнушке.

– Пока я нашел только несколько кошек и все. А у вас есть еще кто-то?

– Хмм. Допустим. – Он начал раскуривать трубочку, а потом что-то сообразив, спросил:

– А твои родители знают, что ты здесь?

– Конечно! То есть... Они знают... что я пошел гулять...

– Понятно. Так я и думал. – Пушэ захлопнул какие-то книги и тетрадки, закрыл чернильный прибор и скрипнул креслом. Встав, он вежливо обошел меня и приблизился к шкафу с книгами. Вытащив одну из них, полистал, а потом резко повернувшись ко мне, спросил:

– Как мы смотрите на то, молодой человек, чтобы отобе-

дать со мной. Ну, а после я с превеликим удовольствием отпущу вас восвояси, и даже дам в подарок несколько чудесных шоколадных конфет, которые я привез из Англии. Вы знаете, что такое Англия?

– Конечно! – Радость скорого обладания конфетами переполняла меня. – Там живут ненавистные нам бритты.

– Да? – Доктор нахмурил брови. – Ну, допустим. – Пройдем в столовую. Вы, Сириус, я полагаю, присоединитесь к нам? Кстати, мистер Сириус Пойзон мой ассистент и помощник.

– С превеликим удовольствием! – Теперь низенький человечек сиял, оправа очков ярко блестела, пуская маленькие солнечные зайчики по большому секретеру, стоящему в углу комнаты.

Мы спустились на первый этаж, и доктор жестом указал мне на двери в столовую. Там уже все было накрыто для обеда, а служанка Мэри Слиззарт стояла у стола, готовая подавать все, что прикажет хозяин.

– Нуте-с, молодой человек. Прошу. – Я отодвинул тяжелый дубовый стул и вскарабкался на плотное кожаное сиденье. Оглядевшись, я обнаружил столовые приборы, которые видел чуть ли не первый раз в жизни. Решив начать с простого ножа и вилки, я робко глянул на доктора. Тот ободряюще кивнул головой, заткнул белоснежную хрустящую салфетку за ворот и сам подал пример, ухватив вилкой большой кусок бекона, не забыв про сыр и капусту. Коротышка Пойзон

тоже приступил к закускам, и мне ничего не оставалось как жадно накинуться на все те безумно пахнувшие яства, расположившиеся на огромном обеденном столе. Я, с детства привыкший к скудной деревенской жизни и видевший мясо только по большим праздникам, вроде Дня Святого Патрика, был опьянен, словно опрокинул пинтовую кружку потина в «Святом Духе».

Мясо, сыр, овощи и фрукты, сладости – все это вскружило мою шальную голову, заставив отдаться безудержному насыщению.

Доктор Пушэ с улыбкой смотрел на меня, не останавливая и не делая никаких замечаний. Он все понимал, и не хотел прерывать процесс поглощения еды.

– А теперь несите горячее, Мэри! – Служанка убежала, но только затем, чтобы через минуту вынести громадную супницу, расписанную ирландской пестрой вязью. Из супницы неслись аппетитный деликатесные запахи и я будто сошел с ума. Это было ирландское рагу – тушеная баранина с картофелем и луком. Позже подали молочный пудинг с ирландским мхом.

Закончив с едой, доктор и Сириус Пойзон перешли к Бейлису, ликеру из ирландского виски и кофе. Закурив трубки, они вполголоса переговаривались, иногда посматривая на меня, все еще не оторвавшегося от десерта.

– Ну что ж, молодой человек. — Доктор Пушэ улыбнулся и отложил трубку в сторону.

– Расскажите нам про свою семью. Чем занимается ваш отец, как вы живете, все ли хорошо в быту?

Я начал быстро тараторить про работу в поле, про младших братишек и сестренку, а также как я хорошо умею управляться с быками. Все это время доктор вежливо слушал меня, а потом, когда я замолк, начал говорить:

– Вам, наверное, интересно, чем я здесь занимаюсь, и зачем переехал в вашу славную деревушку Гуган-Барра. Извольте. Я с удовольствием расскажу об этом, а вы передадите мои слова всем родным и знакомым. Надеюсь, после этого на меня не будут смотреть как на диковинного зверя.

Дело в том, что моя профессия – ветеринар. Всю свою жизнь я посвятил себя заботе о братьях наших меньших, врачую собак и кошек, помогая в беде лошадям, овцам и коровам. Я родился в Англии, но корни мои тянутся из Италии и Франции. Мой отец итальянец, переехал в Британию много лет назад и здесь познакомился с матерью, наполовину француженкой. Вам все понятно?

– Да, спасибо. – Я с искренним интересом слушал доктора, ожидая, когда он перейдет к самому интересному.

– Так вот. – Доктор кашлянул и раскурил трубку, от чего по столовой вновь пошел приятный пряный запах. – Я имел обширную практику в Ливерпуле, излечивая недуги животных, которых мне приносили богатые горожане, и вскоре сколотил себе весьма неплохое состояние. Но однажды, я сделал операцию молодой кошечке, принадлежавшей очень

влиятельному чиновнику, и эта бедная кошечка, к превеликому моему сожалению не перенесла наркоза и через пару часов после операции скончалась в судорогах. Через некоторое время я узнал, что меня крайне настоятельно просят сменить место моей врачебной практики, иначе моя лицензия на лечение будет аннулирована. Пришлось уезжать из города. Я решил уехать подальше и начать все сначала. Репутация, как вы понимаете, дороже всего на свете, и поэтому я переехал в Дублин, в Ирландию. Но и здесь, каким-то образом слухи о моих неудачах достигли потенциальных клиентов и никто, совершенно никто не хотел идти ко мне со своими домашними питомцами. Пришлось изменить образ жизни с городского на сельский, и вот, я здесь, с вами.

Кстати, о кошках. Тебе, наверное, интересно, почему они сбегаются ко мне со всей деревни?

– Конечно, интересно. – Я приготовился слушать самое интересное. Остальное мне казалось сущей белибердой взрослого человека.

– Я составил специальную остро пахнущую смесь из вареных яиц, сырого мяса, рыбы и молочных продуктов. В общем, из всего того, что так нравится кошкам. Поэтому, почуяв лакомство они всегда сбегаются на мой свист и, похоже, не всем в деревне это нравится.

– Это уж точно. – Я подумал о Пипе Торренсе.

– Вот вроде и все. – Доктор доброжелательно смотрел на меня, и его острый профиль больше не казался мне чем-то

пугающим и отталкивающим.

– Вы, молодой человек, если желаете, можете приходить ко мне в гости и смотреть как мы кормим кошек, ну или как лечим животных. Вот это, наверное, самое главное, о чем-бы я хотел вас попросить. Если у кого-то из сельчан заболит корова, овца или другая скотина, я с радостью помогу всем чем обладает мой врачебный ум.

– Но наши жители не очень-то и богаты. – Я вспомнил, что сегодня вечером я снова буду есть картошку, овсяную кашу и, если повезет, немного молока.

– О, это ничего страшного. – Доктор улыбнулся. – Я ни в коем разе не хочу наживаться на простом рабочем люде, и мы всегда сможем договориться об оплате, например, натуральными продуктами. В общем, передайте, пожалуйста, мои слова жителям. У калитки висит колокольчик, так что каждый посетитель будет услышан и принят с должным почтением.

– Хорошо. Спасибо, доктор. – Я поблагодарил хозяина за вкусный обед и засобирался домой. Мать наверняка уже ищет меня, а дом еще куча дел. Мне не хотелось проблем, поэтому наскоро попрощавшись с доктором, его ассистентом и служанкой я пулей вылетел из дома, покинув двор теперь уже через парадный выход, а не через темный земляной лаз.

Глава 6

Вечером я рассказал семье про свою встречу с доктором Пушэ, но, опасаясь, и не без оснований, серьезной взбучки, соврал, что встретился с новым жителем Гуган-Барры на улице, когда спешил домой из поля. Мать ничего не сказала, но отец, подозрительно покосившись на меня нахмурил брови, сделав вид, что не поверил мне.

Но! Доказательств никаких не было, и мне все сошло с рук. Зато все, что касалось самого доктора было выслушано с глубочайшим интересом. Отец переспрашивал о том, каких именно животных может лечить новый сельский ветеринар и сколько он хочет за это денег. Узнав, что расплачиваться можно натуральными продуктами, он немного повеселел, поскольку с деньгами в доме было крайне туго. На полке, возле облезлой иконы со Святым Патриком стояла старая, доставшаяся еще от предков шкатулка, в которой лежало несколько фунтов на черный день. Тратить их совершенно не хотелось. А вот скотина периодически болела и лечили ее старыми дедовскими методами.

Мать же просто выслушала мою историю и спросила только, не намочил ли я ноги, шатаясь так долго по улице.

В общем, несмотря на проливной дождь, я вышел сухим из воды, и единственный человек, который мог раскрыть мою ложь была Мэри Слиззард. Но та, как я уже говорил,

жила одиноко и обособленно, поэтому я не особо задумывался о взбучке, которая чудом обошла меня стороной.

Тем временем, весть, принесенная мной, постепенно разнеслась по всей деревне и первый, кто решил воспользоваться такой неожиданно приятной возможностью стал, как это не странно, старый Конмхак. Услышав новость от моего отца, он не стал долго ждать, отвязал лежащую в сарае старую козу по имени Лиззи, страдающую несварением желудка и воткнув в свои желтые крупные, но все такие же крепкие, как и в дни давней юности зубы вишневую трубку, решительно направился на край деревни, где обосновался доктор Пушэ. Подойдя к воротам, он шмыгнул носом, одернул клетчатый пиджак и решительно дернул за цепочку колокольчика. Через несколько минут, он уже ходил по двору в сопровождении ассистента, мистера Пойзона, прищелкивал языком, удивлялся всему тому, что видел и сразу давал свою оценку недавно возведенным постройкам.

Потом к ним присоединился доктор, и все внимание переключилось на бедняжку Лиззи, ослабевшую настолько, что ей приходилось каждый несколько метров останавливаться и жалостно блять, прося о помощи.

Доктор Пушэ быстро осмотрел больную, пощупал ее в нескольких местах, профессионально глянул ее язык, и уже через несколько минут что-то говорил старику Конмхаку, а мистер Пойзон вручил сельчанину пилюли для козы. На вопрос об оплате, доктор только отмахнулся, сказав, что пер-

вому клиенту скидка сто процентов.

Довольный, Конмхак пошел обратно к калитке, заметив по дороге, что у доктора во дворе живет довольно много кошек. А некоторых из них он даже знает, так как видел их у своих соседей.

В общем, начало было положено и дело оставалось за малым. Один за другим, жители Гуган-Барры начали приходить к новому дому и просить помощи у ветеринара, принимающего их и днем, и ночью.

Побывал у доктора Пушэ и вечно всем недовольный Пип Торренс, на время сменивший гнев на милость и решивший спросить совета по поводу своего здоровья. Никто не знает, что именно произошло тогда в доме доктора Пушэ, но сельчанин вернулся злой и недовольный и поклялся, что дело так не оставит. Каждому встречному, попадавшемуся ему на дороге, он говорил, что этот доктор шарлатан и обманщик, и лекарь из него такой же как из Пипа архиепископ. Поскольку священнослужитель из брюзги и зануды Торренса действительно был никакой, люди настороженно воспринимали слова односельчанина, но все равно недоверчиво проходили мимо.

Как-то в пятницу, в канун Дня всех святых, после вечерней молитвы пивнушка «Святой Дух» набилась до отказа, поскольку многие хотели обсудить последние вести о новых хлебных указах его Королевского Высочества, или, как называли королеву Викторию, «Виндзорской Вдовы». Народ в

пабе шумел, заказывая все новые порции потина, недовольный, что английское благо как обычно выходит боком бедным ирландским сельчанам.

Тут, посреди гомона и клубов дыма, пускаемых из трубок всех мастей и размеров раздался громкий вопль, очень похожий на голос Джереми Нортэма, закадычного друга Пипа Торренса.

– Кошку! Повесили!

Люди начали оборачиваться в сторону столика, за которым сидели двое друзей. Каждый из них уже опрокинул в себя несколько пинт самогона, и поэтому сначала все не поняли, что нужно этим двум пьянчугам. А Джереми, дождавшись, когда на него обратят внимание, стукнул кулаком по столу и снова повторил:

– Кошку нашего старосты повесили! У дома этого доктора Пушэ!

Теперь уже все зашумели всерьез, в голосах начала проскальзывать злость, изначально направленная на несправедливые законы трижды проклятых бритов. Кто-то быстро послал за Аргалом МакГрегором, старостой, а кто-то, разгоряченный выпивкой уже призывал пойти разобраться с этим «поганим докторишкой».

Видя общий настрой, Пип Торренс, подзуживая толпу оскорбительными речами в адрес ветеринара, обращаясь к толпе, велел брать факелы и идти на окраину деревни.

Мой отец, тоже сидевший в «Святом Духе» с тревогой

смотрел на возбужденную толпу. Он, будучи пару раз у доктора Пушэ был благодарен ему за помощь в лечении одного из быков, и сейчас он видел, что все это добром не кончится.

Тем временем толпа, подстегиваемая резкими лозунгами и призывами к скорой расправе, уже двигалась в сторону нового дома.

Мы, мальчишки, конечно же быстро пронюхали про негданное событие, случившиеся в Гуган-Барре, и сопровождая местных мужчин, бежали впереди, надеясь увидеть то, о чем рассказывал в пиварне пьяный Джереми Нортэм.

Я помнил этого старого черного кота, жившего у старосты, наверное, уже сто лет. Подслеповатый на один глаз, с алой лентой на шее, он постоянно сидел на крыльце и грелся в лучах тусклого ирландского солнца.

Несмотря на конец октября темнело рано, и я, немного оторвавшись от друзей, периодически оглядывался назад, так как боялся увидеть нечто страшное и омерзительное. Еще бы! Дохлая кошка. Повешенная. Что-то из разряда мистики и магического культа, которого у нас отродясь не бывало. А может и вправду, доктор Пушэ – ведьмак и волшебник. И проводит страшные обряды?

Вся эта чушь лезла мне в голову, поэтому немного сбавив шаг, я решил дождаться основной массы людей, впереди которых, немного оторвавшись от других, быстрым шагом с факелами шли Пип и Джереми.

– Вон там! У ворот! Смотрите! – Пип факелом показал

вперед и махнул рукой.

– К черту его! Сожжём дом!

– Даа! Сожжем! – Несколько голосов подхватили призыв пьяного сельчанина, но многие решили сначала узнать в чем дело. Все-таки порядочный человек, ветеринар, лечит домашних животных. Народ начал понемногу остывать.

– Ну и где твоя кошка, Пип! Уж не перепил ли ты на День всех святых?!

Бармен Малоун, держа в одной руке факел, а в другой огромную суковатую дубину оглядывался вокруг, но в потемках, кроме высокого забора и ворот ничего не было видно.

– Похоже, ты что-то напутал, Джереми! Зря только народ взбаламутил! Точно перепил.

– Так я же сам... – Нетрезвый Пип осекся, но вовремя прикрыл рот, заскрипев от злости зубами.

Люди, уже жалея, что поддались на порыв, начали по одному возвращаться в «Святой Дух».

Тут ворота открылись, и доктор Пушэ в сопровождении Сириуса Пойзона вышел на улицу, держа небольшой масляной светильник и смотря на сельчан, окруживших его.

– Мое почтение, доктор, уж не обессудьте что потревожили вас! Тут говорят, что у вас кошки мертвые висят.

Старый Конмхак, который не мог пропустить такое событие, вежливо пожелал доктору доброго вечера и извинился:

– Ходят слухи, что вы проводите какие-то эксперименты с

животными. У вас во дворе постоянно бегают эти хвостатые твари со всей деревни. А тут такое. Ну мы и решили... Вы извините нас.

– Ничего страшного. – Пушэ спокойно созерцал толпу, его длинный нос казался еще длиннее в отблеске ярких факелов. Резкие черты лица напоминали ворона, прилетевшего отведать свежей падали. Именно сейчас мне показалось, что доктор что-то утаивает. Только непонятно, что. Но это были всего лишь мои мальчишеские фантазии.

– Ладно ребята, расходимся. – Малоун поклонился доктору и еще раз принес извинения:

– Есть у нас двое таких... Вечно будоражат людей... – Он повернулся к людям.

– Пойдемте обратно!

Понемногу народ разошелся, а доктор, еще постоял, а потом махнул головой ассистенту и скрылся в воротах.

Я был в числе последних, покидавших место несостоявшегося суда. Решив не задерживаться, я уже повернулся спиной к забору и направился вслед за остальными. Вдруг протяжный кошачий вой донесся с противоположной стороны ограды. Страх тут же сжал ледяными ладонями мое молодое сердечко, и я тут же припустил что есть силы.

Позади меня темнел зловещими очертаниями странный дом доктора Пушэ.

Глава 7

Прошло несколько недель. Почти ничего не изменилось в нашей деревне. Урожай был собран, сельчане готовились к первым заморозкам, утепляли свои хлипкие домишки и заготавливали продукты, чтобы хватило на весь зимний период. Я все также помогал отцу во дворе, он задался целью укрепить сараюшку, в которой мы держали быков. Кроме этого, нужно было починить старую изгородь, еще с лету стоявшую с несколькими выдернутыми кольями после того, как в нее врезался обезумевший бык по кличке Нолан, самая большая и сильная скотина в Гуган-Барре. У отца все никак не доходили руки, так как нужно было сходить в лес и подобрать для починки несколько хороших веток, но дальше так продолжаться уже не могло, да и мать начала потихоньку ворчать, что, мол, соседи смеются.

Доктор Пушэ все так же принимал у себя дома жителей деревни, врачую домашних животных и получая за это чисто символическую плату в виде мешка картошки, овса или, что бывало крайне редко, нескольких фунтов вяленой говядины. Напротив, он сам предлагал жителям приносить зерно и сам молот его на небольшой мельнице, построенной и установленной во дворе его имения. В общем, все шло своим чередом.

Я уже давно подметил, что периодически доктор вместе

со своим ассистентом Пойзоном уезжали в город Корк, находящийся примерно в сорока милях от нашей деревни. Там он пополнял съестные запасы, закупал необходимые ему в работе фармакологические средства, а также узнавал новости с родины.

В те времена, недавно пришедшие к власти в британском парламенте тори, то есть крупные аристократы-землевладельцы повсеместно поднимали арендную плату за пользование земельными наделами; лэндлорды за неуплату выгоняли католиков-ирландцев с их земель, заставляя прозябать в нищете и голоде, питаясь в основном одним картофелем. Периодически, в разных концах страны Эриу вспыхивали восстания и бунты, безжалостно подавляемые британскими войсками. И все это время из Ирландии продолжался экспорт зерна, тогда как импорт был закрыт специальными заградительными пошлинами.

В общем, зная, что доктор почти каждую неделю отлучается в город, я не оставлял мысли вновь посетить «дом страшных котов», как я его называл. Мне не давал покоя тот истошный дикий крик, преследовавший меня во сне в течение несколько дней после случая с повешенной кошкой. И все-таки что-то тянуло меня туда, заставляя по ночам ворочаться в постели и думать о том, как можно снова проникнуть в логово страшного доктора Пушэ.

Наконец решившись, я, выследив, когда повозка доктора рано утром снова укатила по направлению к Корку, я отпро-

сился у матери погулять и бегом направился в сторону дома где жили так напугавшие меня кошки. Зная, что во дворе не держат собак, я без особого страха снова воспользовался потайным лазом, который, на мое счастье, так и остался незакопанным. Пролететь и оказаться на другой стороне было делом одной минуты, и вот я снова иду по уже знакомой дорожке из ровного, аккуратно потесанного песчаника, направляясь туда, где в прошлый раз увидел целую орду кошек, кормящихся из деревянных лотков. Но сейчас там никого не было, и только дождевая вода звонкими каплями шлепала по дну одной из кормушек.

Но все это я уже видел, поэтому двинулся дальше, к небольшому строению, где, по моему мнению, у доктора должна была находиться какая-нибудь лаборатория или врачебный кабинет. Из разговоров отца я знал, что обычно Пушэ принимает всех четвероногих пациентов во дворе, а за лекарствами ходит в подсобное помещение, с виду напоминающее хлев или хорошо благоустроенный сарай.

Оказавшись возле него, я подергал за крепко сколоченную дверь, но она была заперта на ключ. Почесав затылок, я не растерялся и начал искать другой вход. Обнаружив окно, я надавил на стеклянную поверхность и со скрипом оно отворилось, дохнув на меня смесью медицинских запахов, смешанных со стойким кошачьим духом. Не думая о последствиях я, слегка подтянувшись, нырнул внутрь и очень удачно шлепнулся на дощатый пол, покрытый мяг-

кой тканью. Быстро вскочив, я начал осматривать внутреннее убранство ветеринарного кабинета, внимательно подмечая подозрительные склянки, мензурки и трубки, в изобилии висевшие и стоявшие на полках, шкафах и небольших тумбах.

Тут, откуда не возьмись, из-за угла вылез серый кот с порванным ухом и начал умываться, время от времени поглядывая на меня желтым глазом.

«Дурной знак», – подумал я и собрался уходить, когда заметил, что в углу врачебного кабинета пестрый половик был слегка сдвинут, открывая кусок медного кольца, очень напоминавшего люк в подвал. Переборов страх и нерешительность, я подошел и полностью отогнул цветастое напольное покрытие. Действительно, этот был ход в подвал. Но что был там, внизу? Возможно, доктор хранил в погребе продукты на зиму, что было довольно разумно и практично. А может, там жили кошки? Времени на раздумье не было, мать скоро начнет меня искать, поэтому не думая, я потянул за металлический круг и не без натуги открыл довольно тяжелую крышку. Вниз вела удобная деревянная лестница и спуститься было делом одной минуты. Оказавшись внизу, я впотьмах начал шарить в поисках лампы или факела, но все, что я смог найти это подсвечник со старой оплавленной свечкой, а рядом фосфорные спички. Я умел ими пользоваться, поэтому быстренько зажег свечу и поднял ее повыше над головой. Сначала из темноты начали выплывать какие-то боль-

шие шкафы, а потом стол, стоящий прямо посередине помещения. Здесь, под землей стоял довольно таки устойчивый отвратный запах кошатины, смешанный с запахом медицинских препаратов. Продвигаясь внутрь, я запнулся и нагнулся вниз, чтобы получше рассмотреть находку. Ею оказалась емкость с какой-то остро пахнувшей жидкостью. Принюхавшись, я почувствовал головокружение и поспешно отодвинулся подальше. Подсвечник нагрелся, начав обжигать пальцы и я, решив больше не искушать судьбу, повернул к выходу. Но тут, на столе, который мешал проходу я заметил, что-то знакомое. Взяв в руку кусок ткани, я каким-то седьмым чувством догадался, что эта та самая алая тесемка с шеи старого Джеффри, кота мистера Аргала МакГрегора, старосты. Я понял, что здесь случилось что-то страшное, и отбросив ткань в сторону, как будто она жгла мне руки своим ярко-малиновым цветом бросился к лестнице. Споткнувшись о что-то мягкое, я инстинктивно нагнулся и дотронулся до чего-то пушистого и мокрого. Уже вне себя от страха я подбежал к деревянному сооружению и что есть силы начал карабкаться вверх, к спасительному пятну света, тускнеющему над головой. В голове была тысяча мыслей, сердце билось, готовое выскочить из грудной клетки, а разом вспотевшие ладони все время скользили по дереву.

Приложив все оставшиеся силы и наконец выбравшись наружу, я лег на пол передохнуть и почти сразу заметил, что вместо одного кота на меня уставилась уже чуть ли не дю-

жина ярких глазищ-фар, слышалось недовольное шипенье, будто я нарушил чью-то неприкосновенную территорию.

– Кири, кири, кири! – Я попытался найти с недовольными кисками общий язык, но, похоже, никто не собирался меня отпускать просто так. Коты взяли меня в небольшое кольцо и усевшись, начали караулить, будто ждали, пока не придет кто-то, кто решит мою дальнейшую судьбу. Секунды превратились в минуты и я, решив, что нужно что-то предпринять, просто закричал что есть силы, таким образом пытаюсь отогнать пушистых бандитов, не собирающихся отпускать меня просто так.

Это возымело некоторый эффект, половина из них пугливо отпрянули, шипя в длинные усищи и косясь на меня сверкающими в темноте кабинета желтоватыми карбункулами глаз. Я шустро вскочил на ноги и побежал к открытому мною оконцу. Еле как перевалился наружу. Измазавшись ладонями в сырой земле и поскользнувшись пару раз, я все-таки смог встать на ноги и припустить в сторону знакомого черного хода, которым пользовался уже второй раз.

Напоследок оглянувшись, я увидел, что возле парадного входа в дом стоит старая Мэри Слиззарт и недовольно смотрит на меня, как будто я украл что-то ценное и теперь удираю прочь. Я конечно же не стал с ней здороваться и подтянув штаны, нырнул в черный земляной лаз. Выбравшись на той стороне, отряхнувшись, и немного переведя дыхание быстрым шагом пошел в сторону дома. Что будет дальше я

не знал, но поклялся сам себе больше не появляться возле
зловещего дома этого странного доктора.

Глава 8

– Ты видишь, что там творится?! – Мютью Кьюлас, соломенноволосяй крепыш, репортер английской «Лондон Газет» ухмыляясь смотрел в покрывшееся декабрьским инеем окно, из которого можно было видеть, как толпа народа, собравшись возле городской ратуши города Корка, выкрикивала громкие лозунги, скандируя: «Унии нет!» и стуча палками о каменную мостовую.

– Это всё рипилеры! (члены организации за отмену унии между Англией и Ирландией – прим. ред.). Черт бы их побрал. Шумят уже который день подряд. Работать не дают.

Коллега Кьюласа, Джон Стонтон, журналист местной «Корк Трибюн», пытался что-то писать за большим, заваленным исписанными листами бумаги столом, но раз за разом бросал перо и откидываясь назад в старом обветшалом кресле, пытался раскурить старую потресканную трубку.

– И что, у них серьезная организация? – Кьюлас уже прикидывал в уме, выйдет ли из всего этого подходящий материал, или он зря приехал в эту завалиющую дыру с многозначительным названием Корк.

– Так, была когда-то. – Джон шелестел бумагами, ища какой-то справочник.

– После провала в Клонтарфе (пригород Дублина – прим. ред.) их всех разогнали, а кое-кого и повесили. Теперь остат-

ки пытаются бунтовать, но все внимание теперь приковано к «Молодой Ирландии». Вся надежда на них.

– Понятно. – Кьюлас специализировался на уголовных делах и политические дразги не особо интересовали матерого писака, приехавшего в Ирландию после того как арендная плата английских и шотландских лэндлордов резко повысилась, вследствие чего возросло количество преступлений, вызванных так называемым «аграрным террором».

Главный редактор «Лондон Газет» Альберт Болд запретил ему возвращаться в Лондон без хорошо проработанной, основательной статьи. Нужно было собрать как можно больше фактов, желательно подкрепленных конкретными доказательствами, иначе о солидной премии за репортаж можно было забыть.

– Но ты же сможешь мне с информацией о всех тех убийствах и грабежах, случившихся за последнее время? И хватит рыться в своих бумагах. Все равно не найдешь. Пойдем лучше пообедаем.

Репортер начал натягивать тяжелое зимнее пальто, взял шляпу и направился к выходу. Редактор вздохнул, встал из-за стола и подхватив шерстяной плащ, кинул последний взгляд на стол. Уже выходя, он глянул на полку массивного шкафа, уходящего полками под потолок, и стукнул себя ладонью по лбу. Встав на цыпочки, он вытянул невзрачную папку из плотно прижатых друг к другу дел и ухватив ее покрепче, бросился догонять коллегу.

– Где ты обычно ешь свой ланч, Джон? – Они стояли, переминаясь от холода и кусающего за открытые щеки мороза.

– Там за углом есть неплохой паб. Пошли. – Они завернули за серое обшарпанное здание и уже через пять минут стояли перед зеленой вывеской, гласившей, что здесь находится пивная «У Берти». Зайдя внутрь и осмотревшись, репортеры уселись в углу, у окна, а подскочившему мальчишке быстро заказали бекон с капустой, картофельные блины Боксти и графин темного элевого стаута в качестве напитка.

– Вот, смотри. – В ожидании заказа Стонтон вытащил из-за пазухи ту самую папку и раскрыл ее в самом начале. – Пока я буду собирать тебе информацию об убийствах и грабежах, возможно, тебе будет интересно обратить свое внимание на это.

Он зашелестел страницами.

– Мой внештатный корреспондент Микки Фарелл одно время занимался этой историей, а потом отдал ее в архив.

– В чем суть? – Мэтью отчаянно принюхивался к манящим запахам, ползущим из-за неплотно прикрытой двери в кухню, расположенную позади бара.

– Хмм. Суть в том, что некий доктор Котэо Пушэ, ветеринар, имевший практику в Кардиффе, неожиданно переехал в Ирландию, в никому не известную деревушку... как ее... а, да, Гуган-Барра. Переехал и переехал. Но стали поступать слухи, что он там занимается не совсем хорошими делами. Я послал Микки Фарелла все разнюхать и ему удалось не

только поговорить с местными жителями, но и проникнуть за забор дома, где обитает этот доктор. Не добившись ничего интересного, он решил просто поговорить с Пушэ, но выяснил совершенно заурядные вещи. Ну да, лечит он зверюшек, помогает ему некто Сириус Пойзон, есть еще какая-то то ли кухарка, то ли горничная. А дальше все. В общем, моего человека вежливо попросили не мешать работе, и ему пришлось убраться ни с чем. Если тебя это интересует, пожалуйста. Материалы в твоём распоряжении.

– Ну, не знаю. – Мютью жадно играл ноздрями, нацелив двузубую вилку на кусок жирного бекона, залитого яйцом. – Оставь конечно. Я полистаю. Но ты же знаешь. Убийства, изнасилования, разбой – вот мой удел.

– В общем, как хочешь. – Они чокнулись кружками и приступили к ланчу.

После, выйдя на улицу, они наблюдали как английские войска, которых становилось все больше и больше почти в каждом графстве Ирландии, разгоняли остатки протестующих, избивая прикладами всех тех смельчаков, вышедших на улицу, чтобы поддержать подпольные организации, борющиеся с засильем английского ига.

– Круто они с ними, – с неудовольствием заметил Кьюлас, наблюдая как пожилой усатый солдат в черном мундире гонится за молодым парнем, державшем в руке обрывки плаката с надписью на ирландском.

– Да. К сожалению, пока все попытки прийти к какому-то

пониманию не увенчались успехом. – Стонтон грустно опустил голову, глядя под ноги. – Но ничего. Придет время, когда наших храбрецов будут прославлять в веках, а не запятывать до смерти в подвалах английских казематов. Зеленый трилистник святого Патрика еще взовьется над страной Эриу. Мы не собаки, в конце концов, и у нас есть гордость.

У гостиницы «Корк Инн» в которой остановился Кьюлас, они распрощались и уговорились встретиться через неделю, когда у Джона будет хоть какая-то информация по количеству убитых и ограбленных. А пока лондонский газетчик решил сам пошнырять по городу и разнюхать какие-нибудь жаренные факты, за которые бы ухватился его привередливый редактор Альберт Болд.

Поднявшись на второй этаж, растопив камин и взяв в зубы трубку, он раскрыл папку, данную ему Стэнтоном и начал изучать материалы, кропотливо собранные корреспондентом Микки Фаррелом.

Судя по записям, сделанным внештатным репортером, доктор приехал в Ирландию из Англии, точнее из Уэльса. Был женат, имел врачебную практику в Кардиффе, потом переехал в Суонси. Непонятно было только, зачем он поменял благополучную Англию на бедняцкую Ирландию, но это можно выяснить позже. Также было примечательно то, что Пушэ не остановился в столице Дублине, что было бы логично, или, на худой конец, в Корке, а забрался в самую глушь. Стэнтон упомянул, что доктор занимается в Гуган-Барре

плохими делами, но что конкретно это значит? Много пьет, дерется? Так этим никого сейчас не удивишь. Может, ставит какие-то медицинские опыты. Так пусть себе ставит. В конце концов, на то он и доктор. Вернее, ветеринар. Лечит домашних животных.

Кьюлас придвинул кресло поближе к огню и налил себе на полпальца виски.

Конечно, это не совсем то, что ему было нужно, но репортерское чутье помноженное на немалый опыт начало подсказывать ему, что этот врачеватель не совсем прост как кажется. Люди, – в данном случае деятели от медицины, – не меняют места работы и жительства так часто, как этот субъект. Возможно, он замешан в каком-то убийстве. А может скрывается от должников. В любом случае, гадать можно сколько угодно. Факты требуют проверки. Ну а потом можно навестить этого эскулапа, хотя придется отмахать несколько десятков миль на запад. Но ничего. Время у него есть. А вернуться в Англию ему все равно необходимо. Нужно отчитаться перед главным редактором о проделанной работе, а заодно узнать, как обстоят дела в столице.

Мэтью Кьюлас начинал с самых низов своей профессии, работая нюизи, то есть мальчишкой-газетчиком. Постепенно, отучившись в школе, где он был силен в правописании, он продвигался по лестнице журналистского мастерства, меняя солидные газеты на желтые бульварные листки и зарываясь в самую гущу лондонских трущоб Ист-Энда и модных

салонов дорогого и кичливого Вест-Энда, выискивая самые жареные факты, истории и случаи убийств, мошенничеств, грабежей и разбоев. Взрослея и набираясь опыта, Кьюлас начал содержать не небольшом денежном прикорме довольно таки приличную сеть агентов – мальчишек, имеющих способность проникать в самые непроходимые улочки Лондона и выуживать информацию, недоступную для простых неповоротливых писак, состоящих в штате солидных столичных газет.

В конце концов, он остановил свой выбор на «Лондон Газет», ибо главный редактор данного издания, ворчливый Альберт Болд давал ему то, что не всегда можно было заполучить в других местах – независимость в выборе тем для статей. Ну а если сюжет действительно был жареным – премия не заставляла себя долго ждать, хотя временами приходилось вытрясать деньги из скаредного Болда.

Глава 9

Как я не хотел приближаться к странному дому доктора Пушэ, мне все же пришлось это сделать, и теперь причиной моей ненавистной прогулки стал отец.

– Вот.

Старший О`Коннерти указал на мешок с картошкой и пару кусков вяленного мяса.

– Отдашь доктору. С тех пор как он поднял на ноги, вернее на копыта нашего беднягу Фридриха прошло уже несколько недель. Пора бы уже чем-нибудь отблагодарить нашего спасителя, а то как-то некрасиво получается.

– А может пошлешь Феархара, отец? Ну, или Эохайда? – Я вопросительно смотрел на родителя, стараясь что есть силы увильнуть от этого поручения.

– Пусть учатся общаться с людьми. А то только и знают, что болтаться без дела во дворе и играть в снежки.

– Нет, ты старший. – Отец строго посмотрел на меня и снова показал на мешок в углу нашей каменной лачуги. – Тем более, доктор первый заговорил с тобой тогда, на дороге. Соответственно и отношение у него к тебе будет хорошее. В общем, без споров. Берешь оплату и вперед.

Я вздохнул. Признаться, что я уже пару раз был у доктора и даже обедал с ним, не хватало мужества. Отец точно бы наказал меня и заставил бы работать не покладая сил весь

декабрь. А ведь я собирался с мальчишками в поход, и мы даже начали копить продукты, чтобы уйти подальше в сторону Керри (графство в Ирландии – прим. ред.), поудить рыбу с местными рыбаками в заливе Кенмар, а может даже и поохотиться на кабанов. Что может быть интереснее, когда тебе почти шестнадцать лет! Кроме того, вездесущий Мэйтиу МакКонахи рассказал нам, что скоро собирается большой митинг в поддержку ребят из «Объединенных ирландцев», и лично он точно собирается присутствовать там, а может даже и будет кидать камни в сторону ненавистных бритов и их размалеванных солдат. Вот так.

Поэтому сориться с родителем в мои планы никак не входило.

– Хорошо, отец. Как скажешь. – Я надел теплый жилет, сверху накинул плащ, напялил фуражку и взял мешок с едой. На улице, как обычно, шел небольшой дождик, но мне было не привыкать, поэтому глубоко вздохнув, я направил свои стопы в сторону дома доктора Пушэ.

По дороге я встретил любопытного старика Конмхака, не преминувшего полюбопытствовать, куда это я направляюсь. Отделавшись короткой фразой, я пошел дальше, и вот передо мной снова та высокая стена, а за ней владения доктора, с красивым домом и странным подвалом, в котором полно кошек, очень странных кошек, которые чуть не взяли меня в плен тогда, пару недель назад.

Поставив мешок на землю, я собрался с духом и дернул

за колокольчик. Через несколько минут дверь открылась и низенький помощник доктора вопросительно уставился на меня, пытаясь понять, что мне надо.

– Вы с животным? Что у него? Кашель, рвота кровью, несварение желудка?

– Нет. Я от Кормака О`Коннерти. Он велел передать еду в уплату долга. Вот.

Я показал рукой на мешок и глянул на мистера Пойзона.

– Спасибо. Наш Фридрих чувствует себя хорошо.

Мне уже хотелось уйти, но ассистент взял меня за руку и буквально втащил внутрь двора.

– Отлично! Доктор Пушэ как раз дома, и вы сможете лично сказать ему спасибо. Для него это будет гораздо приятнее, знаете ли. Тем более, вы уже бывали у нас, можно сказать стали добрым другом! – Он противно рассмеялся, настойчиво продолжая тянуть меня за рукав пиджака. – Не советую отказываться. Доктор может обидеться!

Как я не хотел, как не старался, но чертов коротышка все-таки вынудил меня зайти внутрь. Потом я много раз жалел о своем поступке, но тогда я думал только о том, что, если, не дай Бог, Пушэ действительно обидится на нашу семью, в следующий раз наши быки останутся без лечения, а моя семья без пищи.

– Ну хорошо. Как скажете, – промямлил я и поплелся вслед за уродцем в круглых золотых очках в сторону парадного входа. На пороге я увидел миссис Мэрри Слиззард, ко-

торая, бросив на меня неприятный взгляд, сразу же скрылась в дальних комнатах, видимо вернулась на кухню. Тем временем, мы с ассистентом Пойзоном поднялись наверх, и я снова очутился перед дверью доктора Пушэ.

– Да, да, войдите. – Дверь отворилась, и я увидел доктора в той же позе, за тем же столом, пишущим что-то в толстом журнале.

– Ну вот мы и снова встретились, мой молодой друг. – Похоже, у него было прекрасное настроение, так как улыбнувшись он протянул мне руку, и предложил сесть в кресло, стоящее у рабочего стола.

– Я рад, Эйден, тебя же зовут Эйден? Я рад, что мы снова встретились в такой непринужденной обстановке, видимо, тебе нравится посещать мое скромное жилище, я прав? – Он вперил в меня свой острый вороний взгляд, и на секунду меня охватил жуткий страх, будто сама старуха смерть заглянула мне прямо в душу, намереваясь забрать ее с собой в преисподнюю, а заодно и мою хрупкую физическую оболочку.

– Скоро Мэрри накроет стол и мы сядем обедать. Но перед ланчем я хотел бы прогуляться с тобой и показать кое-что. Ты же не против?

Он снова посмотрел на меня, и я начал колебаться. Думая, стоит ли отказаться и быстрее уйти, или все-таки дотерпеть до конца эту немую муку. Мне стало не по себе, но выбора не было.

– Да, доктор, конечно. – Я стал вялым и инертным, вся моя храбрость куда-то подевалась, осталось только рабское подчинение голосу странного человека, имеющего власть и силу над другими людьми.

Пушэ махнул рукой ассистенту и тот, не выпуская моей руки, снова отворил дверь и легонько подталкивая меня спустился вниз. Мы вышли во двор и направились к той постройке, медицинскому кабинету в который я проник в прошлый свой визит.

Доктор шел следом, я слышал мокрое шуршание травы о его обувь и думал, что вот сейчас он начнет ругать меня за проникновение в частное жилище, а может быть он уже знает, что я спускался вниз, в его лабораторию.

– Ты ведь уже бывал здесь, не правда ли, Эйден? – Подойдя поближе, Пушэ снова уставился на меня, острый нос буквально задевал мой вспотевший от волнения лоб.

– Тебе, наверное, было интересно, что там, внизу? Я прав? Я промолчал, все еще надеясь отпереться и свести все к простому «простите меня, доктор, пожалуйста».

– Так и быть. Я покажу тебе, что там у меня внизу. Только договоримся сразу, что ты никому ничего не расскажешь? Хорошо? Сириус!

Он махнул рукой, и коротышка, ухмыляясь забежал в сарай и начал шуметь в дальнем углу, видимо убирал ковер, чтобы открыть люк в подвал. Потом он затих, похоже спускался вниз, а спустя несколько минут, раздался его приглу-

шенный голос:

– Все готово, доктор!

– Отлично! – Пушэ посмотрел на меня и сказал:

– Прошу, молодой человек! – Он предложил мне первому зайти внутрь, и я, все еще колеблясь, сделал несколько шагов. Внутри сохранилась все та же обстановка, как и в прошлый раз, только не было котов, так напугавших меня.

– Ну что, спускаемся? – Он показал мне на знакомую лестницу и слегка подтолкнул меня вперед.

Тут в голове что-то щелкнуло, вернулась способность трезво мыслить, и я дернулся к знакомому оконцу, стараясь как можно быстрее унести ноги из ледящего душу кабинета. Но доктор был начеку. Он ловко вытащил из кармана заранее заготовленный клочок ваты и быстро поднес его к моему носу.

Находясь на пике волнения, я резко вдохнул сладковатый, приторный запах, и мое сознание, мягко покачиваясь на волнах возникшей безмятежности, начало уноситься прочь. Последнее, что я услышал, был словно из-под одеяла, едва различимый голос Пушэ:

– Поднимись и помоги мне с мальчишкой! Ну же!

Глава 10

На носу был канун Рождества. Снег белыми невесомыми хлопьями падал на каменистую дорогу, по которой тряслась легкая двуколка, везущая Мэтью Кьюласа, репортера «Лондон Газет» в сторону Корка, небольшого городка, расположенного на юге Ирландии.

Вообще-то, снег не характерен для данной местности, зимой здесь обычно дождливо и довольно тепло, но сегодня, видимо в предчувствии светлого праздника, небо решило сподобиться на небольшую порцию замершей воды.

Закончив все свои дела в Лондоне и сдав редактору довольно неплохую статью про уровень преступности на юге Ирландии, Кьюлас тотчас занялся воплощением своего плана по сбору информации о некоем докторе Котэо Пушэ, постоянно проживающем в отдаленной ирландской деревушке Гуган-Барра.

Мэтью, со свойственной ему и его профессии вьедливостью побывал в Кардиффе, Суонси и Дублине, там, где оставил хотя бы небольшой след загадочный доктор, занимающийся ветеринарией и врачующий зверушек в Англии, а потом и в Ирландии. Узнал репортер довольно необычные, а порой даже и загадочные вещи о жизни этого странного эскулапа, меняющего места жительства и работы так же часто, как лиса замечает следы, после удачной охоты.

Итак.

В Кардиффе, столице Уэльса, как разнюхал соломенново-лосый лондонский газетчик, доктор, а звали его в то время Закари Свессон, имел обширную практику, врачую домашних зверушек первых лиц города, но и не отказываясь от самых обычных пациентов, не имеющих финансовой возможности заплатить за лечение домашних питомцев, и поэтому расплачивающихся натуральными продуктами. Была у доктора и жена, некая миссис Свессон. Как сообщили надежные источники, брак у них был крепким и счастливым, но только до поры до времени. У доктора была ирландская кошка по кличке Мисси, в которой он души не чаял и всячески одарял ласками, уделяя домашнему пушистому животным времени едва ли не вдвое больше чем жене. Той такая ситуация совершенно не нравилась, но время бить в колокол отчаяния пока еще не пришло.

Однажды домашняя питомица убежала на улицу и трагически погибла, попав под колесо тяжелой почтовой кареты. Доктор сокрушался, рвал на себе волосы, но вернуть любимицу к жизни была нельзя. Немного успокоившись, Пушэ попытался забальзамировать Мисси, а сам стал искать способы оживить кошку. К сожалению, наука того времени не могла оживлять людей, не говоря уже о животных, и с каждым днем доктор все более ожесточался, отдаляясь от домочадцев и не разговаривая с женой по нескольку недель. Идея вернуть Мисси к жизни стала навязчивой и вот, при-

шло время, когда Пушэ начал во всем обвинять миссис Свессон, и однажды даже поднял на нее руку. Она пожаловалась в полицию, и доктору назначили принудительное лечение в местной психиатрической больнице Уитчерча, где Пушэ провел полгода, выйдя совершенно изменившимся человеком. Если раньше пациенты отмечали в нем некоторые положительные черты, то теперь это был угрюмый, суровый ветеринар, к сожаленью не оставивший навязчивых идей по возвращению к жизни несчастной питомицы. В лечебнице, Пушэ познакомился с неким мистером Пойзоном, попавшим в застенки Уитчерча за медицинские опыты над людьми. Дождавшись пока Сириуса Пойзона отпустят на испытательный срок, Котэо Пушэ предложил тому стать его ассистентом, и они начали работать вместе. Конечно, репутация доктора не могла позволить ему и дальше продолжать лечить домашних животных сильных мира сего, но основательные финансовые накопления дали некоторую возможность заниматься тем, что никак не могло оставить его больную душу и тело. Вместе с Пойзоном, в котором Пушэ нашел не только старательного и трудолюбивого помощника, но и ярого сподвижника своего дела, доктор пытался экспериментировать на пушистых пациентах, но это привело только к тому, что на него начали коситься и перестали приносить больных животных. Именно в то время в Кардиффе начали пропадать дети, но полиция ничего не смогла доказать и власти предложили доктору Пушэ просто уехать.

Он перебрался в Суонси, соседний город, взяв себе новое имя Катц Флафёр, но вскоре похожая ситуация произошла и там. Сообщение между городами было довольно слабым, но вскоре и там начали пропадать подростки. Почуввав опасность, Флафёр, он же Котэо Пушэ, вместе с ассистентом не стали ждать обвинений властей, а перебрались через канал Святого Георгия и оказались в Ирландии. Решив начать со столицы, Дублина, они занялись все теми же медицинскими опытами по оживлению несчастной Мисси, которую доктор все время возил с собой в ящике. Погубив немало кошачьих душ, но так и не найдя средство для оживления домашней любимицы, мерзкая парочка, не дожидаясь визита полиции, решила уехать в глушь и на время затаиться, избрав в качестве деятельности свою основную профессию. Благо, что недостатка в болезнях у крупного и мелкого рогатого скота не было, а сельчане с благодарностью несли доктору продукты, с которыми в то крайне непростое время можно было жить припеваючи, не задумываясь о хлебе насущном.

И вот теперь, имея на руках всю необходимую информацию, а в голове план разоблачения коварного доктора Пушэ, репортер Мэтью Кьюлас мчался в забытую Богом деревеньку Гуган-Барра, чтобы вывести на чистую воду коварного и ужасного одновременно врачевателя, пока он не погубил очередную жертву, пытаясь совершить несовершаемое.

Сознание медленно возвращалось ко мне, словно сквозь

паутину продираясь через спутанные мысли и головную боль, вызванную действием неизвестного препарата, который я вдохнул при попытке убежать от доктора.

– Следи за ним! Когда очнется, дай мне знать!

Какой странный и знакомый голос одновременно! Где-то я его уже слышал. Вот только где?

– Как скажете, док!

И этот противный писклявый голосок был мне знаком. Пойдите, это же...

– Ну что, очухался, мой друг?! – Я увидел перед собой красное ухмыляющееся лицо в очках и попытался дернуться, но нет. Мои руки были связаны бечевкой. Да и силенок было маловато. Слабость по всему телу. Что же произошло?

Неожиданно мне в лицо плеснули воды, и я окончательно пришел в себя. Огляделся вокруг и посмотрел на своих мучителей, спящих у высокого стола, который я обнаружил в прошлый раз, когда залез в страшный подвал.

Это доктор Пушэ и его ассистент, мистер Сириус Пойзон. Но отчего они так суеются и бегают, будто за ними гонится сам дьявол?

– Вижу! Вижу ты очнулся, мой мальчик! – Пушэ ласково улыбался, от былой угрюмости и нелюдимости не осталось и следа. – Ну что, пришла пора помочь мне в святой миссии! Для моей кошечки Мисси! Извини за каламбур. Ты же не зря так часто приходил ко мне, не правда ли? Бог любит троицу – так, кажется, говорится, если это выражение уместно здесь,

в храме науки. Перед тем как начать наш опыт, я скажу тебе, что я немного солгал тебе, Эйден, тогда, в прошлый раз, во время ланча. Видите ли, я не только врачую бедных животных, я еще исполняю великую миссию, предназначенную мне свыше. Дело в том, что когда-то у меня была любимая кошка. Звали ее Мисси. К сожалению, она погибла под колесами кареты. Я был безутешен, но потом дал клятву себе, что верну мою крошку к жизни. И в этом мне поможет наука. Ну и конечно мой бессменный ассистент, мистер Пойзон. У тебя все готово, Сириус?

– Почти, док. – Коротышка гремел инструментами в белой эмалированной ванночке, перетаскивая ее поближе к громадному холодному столу.

– Отлично. – Доктор поправил перчатки и потуже затянул на груди тесемки белоснежного халата. – Видишь ли, Эйден, у меня есть теория. Если пересадить некоторые части мозга из живого организма в усопший, то вполне возможно, что мертвая плоть оживет. Я десятки раз проделывал этот опыт, но что-то шло не так и моя кошечка не хотела возвращаться к жизни. Я почти отчаялся.

Тогда мой славный ассистент, спасибо ему огромное, подсказал, что, возможно, разгадка кроется в самом строении главного органа, и сподручнее было бы взять молодой человеческий орган с тем, чтобы извлечь из него все необходимые компоненты, в которых я нуждался все это время.

Слушая безумные речи этого страшного человека, я не

мог двинуть ни рукой, ни ногой, лежа, мокрый от пота, думая, как мне хочется обратно наверх, туда где дом, отец с матерью и братишки с сестренкой.

Тем временем, доктор отвлекся от своего рассказа и вернулся к столу, где его помощник заканчивал приготовления к медицинскому опыту.

Я пошевелил руками и ногами, пытаюсь хоть как-то облегчить свою ужасную участь. Мысленно готовясь к невыносимым мукам, я барахтался как сомнамбула, пытаюсь освободиться, но бечевки крепко держали мои запястья и щиколотки. Внезапно я ощутил легкое прикосновение и произвольно дернулся. «Крыса?!»

Нет. Это была не крыса. Что-то пушистое терлось о мои ладони, словно живой комок шерсти пытался подлезть под ладонь, в надежде, чтобы его приласкали. Потом я услышал звук трения бечевы о крепкие зубы и начал догадываться, что происходит. В ногах происходило тоже самое, словно несколько пушистых животных пытались освободить себя. Не веря своему счастью, я каждые несколько секунд проверял на прочность свои путы, но пока веревки надежно держали мои руки и ноги.

– Ладно, все готово! – Каркающий голос доктора вернул меня к ужасной действительности. – Неси его сюда, Сириус!

Послышались шаркающие шажочки отвратительного уродца, но в тот же миг я почувал свободу в руках и дернув сильнее, освободился от пут. Времени ждать пока мои пуши-

стые спасители закончат свою работу в моих ногах не было, и я, лихорадочно ощупав пол под собой и взяв в руки какой-то длинный продолговатый предмет, что есть силы ткнул его в подошедшее ко мне чучело в очках. Пойзон взвыл, повалился на пол и заорал благим матом, который резко отрезвил меня и придал силы. Я вскочил и поскакал к тому месту, где располагалась лестница. Но тут же упал, споткнувшись о бочку с водой.

– Куда ты направился, дружок! – Доктор быстро приближался ко мне, в руке его уже был тонкий длинный нож, которым пользуются хирурги.

Я попытался встать и уцепиться за лестницу, но Пушэ перехватил меня, стараясь дотянуться до груди и оторвать меня от скользкого дерева. Я резко дернулся, и бечева на лодыжках окончательно порвалась, дав мне так необходимую свободу.

Пнув Котэо Пушэ в лицо, я мигом взобрался наверх и через секунду уже был у знакомого окна. Оглянувшись, я схватил медицинский судок и кинул его в стекло. Вылезая наружу, я не чувствовал боли от порезов, нанесенных мне осколками стекла, стараясь как можно быстрее убежать из этого кошмара и добраться до знакомого подземного лаза, которым пользовался уже не раз.

– Спокойно, дружок. Ты в безопасности. – Чьи-то сильные руки подхватили меня, но я по инерции пытался брыкаться и пинать незнакомца, думая, что это чертов коновал настиг

меня.

– Ну все, успокойся, я не трону тебя. – Мэтью Кьюлас, лондонский репортер посмотрел в омертвевшее от ужаса лицо парнишки и пару раз встряхнул его. – Все хорошо, парень, слышишь? Все уже позади. Пойдем со мной.

За воротами бесновалась толпа, слышались мощные удары в парадную калитку, я различал знакомые голоса, грозившие и сыпавшие проклятья:

– Ну теперь я точно сожгу это дьявольское логово! – громыхал Пип Торренс, а его дружок Джереми Нортэм вторил ему, поднося яркий факел к изгороди:

– Сожжем их всех! Нечего этой мрази делать в нашей деревне!

Репортер потащил меня к выходу, мы с трудом продрались через кучу односельчан, озлобленных и готовых вершить самосуд, не сходя с места.

Через пару секунд я уже был в объятьях матери, отец был рядом, держа меня за плечо дрожащей рукой.

Тем временем, с десятков факелов уже летели на крышу, кто-то поджигал стены, но крепкий кирпичный дом с трудом горел, и огонь, облизывая неприступные стены, бежал вверх к горючей соломенной крыше. От дома, в сторону ворот прыснули десятки кошек, но многие из них, находясь внизу, в подвале, так и не смогли спастись, задохнувшись в угарном дыму.

Несколько человек ринулись к строению, служившему

доктору медицинским кабинетом и увидев люк, закрыли его, навалив для верности тяжелый камень.

Как я в последствии узнал, газетчик Кьюлас, приехав в деревню, сразу бросился искать старосту Аргала МакГрегора, чтобы рассказывать ему о том, кем был на самом деле доктор Пушэ. Моя мать, вышедшая на улицу, чтобы позвать меня, также узнала страшные новости и направляемая всезнающим старым Конмхаком, видевшим как я иду в сторону нового дома, помчалась спасать своего сына.

Когда пепелище остыло, многие сельчане решили прогуляться, чтобы полюбопытствовать, что осталось от доктора, его ассистента и горничной, миссис Мэри Слиззарт. Но в развалинах пепелища нашли только несколько костей неизвестного происхождения, а в обвалившемся подвале находчивый Пип Торренс смог откопать череп, принадлежавший, судя по всему, невысокому узколобому человеку, а также горсточку костей.

Несколько недель в Гуган-Барре только и разговоров было, что о мерзком докторе Пушэ, ставившим опыты над животными и людьми. Потом люди переключились на повседневные заботы, голод начал наступать с новой силой, и к середине зимы 1846 года уже мало кто вспоминал ту страшную рождественскую историю. Многие уезжали в Дублин на заработки, другие подались в Уэльс или дальше, в Англию. Нашлись смельчаки, решившие переплыть океан на старых

кораблях в поисках лучшей доли, но многие из них погибли в дороге от голода, болезней и истощения.

Я, Эйден О`Коннерти, через некоторое время пришел к себе, и чтобы как-то забыться, начал ходить на собрания «Молодой Ирландии» вместе с моими друзьями Мэйтиу МакКонахи и Сиг О`Донелл. Позже, всерьез увлекшись ирландским национализмом и левоцентризмом, я стал видным членом организации и многое сделал для своей страны с гордым названием Эриу, немного не дожив до того момента, когда она, 6 декабря 1922 года стала полностью свободной и получила независимость от Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, превратившись в Республику.

В конце хочу добавить, что, хотя многие сельчане и не верили в смерть доктора Пушэ, я лично ни его, ни кого-то похожего больше в своей жизни не встречал. А в память о тех котах, которые, ценой своей жизни, освободили меня от страшных мук на хирургическом столе маньяка-доктора, всегда держал дома несколько пушистых хвостатых животных, а также подкармливал уличных бродяжек, не нашедших себе пищи и крова.

ноябрь 2022 Медвежий Стан